

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ
ВИКТОРИЯ ОНЧУКОВА

КНИГА 1

СКАЛКА ПРОТИВ ВСЕЛЕННОЙ

ЗАВОРОТИНО: ДЕРЕВНЯ МЕЖДУ МИРАМИ

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
Скалка против Вселенной
Серия «Заворотино: деревня
между мирами», книга 1

*<https://litres.ru/73915976>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Агафья Ладина ждала сына и внуков, пекла пироги и не собиралась спасать мир. Но ночью в дверь постучало нечто в меховой шапке, валенках и с блестящей штукой за спиной. Агафья решила: пришельцы пришли за «образцом человека». Скалка сработала безотказно.

Утром выяснилось, что «пришелец» — деревенский чудик Архип Чудин. Правда, есть маленькая проблема: в тот самый момент над Чертовым Пятачком открылся настоящий портал между мирами.

Теперь в Заворотино говорят петухи, самовар показывает знаки, куры несут яйца с предсказаниями, а вредный межмировой инспектор требует документы на реальность деревни. И если жители не разберутся до рассвета, Заворотино могут признать незаконно подключенным к Вселенной.

«Скалка против Вселенной» — первая книга серии «Заворотино: деревня между мирами»: уютное деревенское фэнтези с юмором, чудесами, говорящей живностью и скалкой, которая оказалась важнее любой магии.

Содержание

Глава 1. Пироги к приезду	5
Глава 2. Чертов Пятачок	19
Глава 3. Информационное население	37
Глава 4. Ночной стук	54
Глава 5. Архип земного происхождения	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Скалка против Вселенной

Глава 1. Пирог к приезду

Скалка у Агафьи Ладиной была не просто скалка. У других хозяек такая вещь лежала где-нибудь в ящике, между половником и ситом, а у Агафьи жила на отдельном гвоздике у печи, как раз на высоте руки: березовая, гладкая, потемневшая от времени и муки. В хозяйстве каждая вещь должна знать свое место, и скалка знала не только место, но и цену.

С самого утра Агафья ходила по кухне так быстро, что Марфа-Полночица только глазами за ней водила. На столе стояла миска с тестом, укрытая полотенцем, рядом лежали капуста, яблоки и три банки варенья: малиновое, смородиновое и крыжовенное, которое Агафья берегла «не для кого попало». Сегодня было как раз для кого: сын с внуками собирались приехать.

Не то чтобы Агафья ждала. Ждать — это сидеть у окна и себя жалеть, а она себя не жалела. Она просто с вечера перемыла полы, утром натопила печь, перестелила постели, проверила баню, сварила яйца, поставила тесто и теперь пекла пироги. Так, на всякий случай.

— Нечего детей встречать кое-как, — сказала она тесту. — Городские они городские, а есть все равно захотят.

Марфа-Полночница запрыгнула на лавку и потянулась к чистому полотенцу.

— Даже не думай, — сказала Агафья, не глядя. — Это внукам.

Кошка посмотрела так, будто внуки были временным недоразумением, а полотенце — древней кошачьей собственностью. Потом прыгнула к печи, но не легла. Остановилась возле печного угла и уставилась в пустое место между ухватом и старым самоваром.

— Что там? Мышь?

Марфа не шелохнулась. Агафья подошла ближе: в углу ничего не было. Печь теплая, ухват на месте, самовар, большой, меднобокий, стоял на табуретке и отражал кухню криво, важно, по-самоварному. На миг по его боку скользнул голубоватый отблеск, словно в медь кто-то плеснул холодного неба.

Агафья моргнула. Отблеск пропал.

— Старость у тебя, Марфа. И у меня, выходит, тоже. Видим всякое.

Кошка медленно повернула голову.

— Не умничай. Кошка ты, а не участковый.

Агафья вернулась к столу. Тесто легло гладко, как надо. Она положила начинку и защипнула край пирога: один — с капустой, второй — с яблоками, третий — с малиной, потому что младший внук Митька раньше любил малиновое. Правда, раньше ему было семь, а теперь двенадцать, голос в телефоне ломался, и вместо «бабуль» он иногда говорил «ба», будто экономил буквы.

— Ба, — передразнила она тихо. — Скажут тоже.

Телефон зазвонил, когда она потянулась к противню. Зво-

нок был резкий, городской, и Агафья вытерла руки о передник с таким видом, будто телефон лично испортил ей край пирога.

— Да иду я, иду, — сказала она трубке. — Не надорвись.

Голос у Павла был усталый, чуть виноватый. Агафья сразу это услышала и сразу приготовилась не показывать.

— Мам, мы выехали позже. У Алены дела, Митька кроссовки не нашел, на трассе ремонт. И погода портится. Может, мы не сегодня к вечеру, а завтра с утра.

Агафья посмотрела на противень.

— Завтра так завтра.

— Ты не обижайся.

— Делать мне больше нечего — на дорогу обижаться.

Приезжайте точно, а не приблизительно.

— Митька спрашивал, будут ли пироги с малиной.

Агафья отвернулась к окну.

— Будут. Если не передумает по дороге.

— Мам, ты только не хлопочи сильно.

— Поздно сказал. Хлопоты уже выполнены. Едьте осторожно. Лучше завтра живыми, чем сегодня красивыми.

Она положила трубку аккуратно. Даже подозрительно аккуратно. Марфа мяукнула с лавки, и Агафья сразу повернулась к ней.

— Что? Ничего я не расстроилась.

Кошка села у печи и моргнула.

— Вот именно.

Агафья вернулась к столу, но пирог защипнула криво. Разлепила край и защипнула заново. В доме пахло тестом, печью, яблоками и чем-то еще — тонким, сырым, будто траву примяли после дождя.

— Сквозняк, — решила она.

Сквозняка не было. Агафья поставила противень в печь и пошла в горницу. Комнату для внуков она приготовила еще утром, но после звонка проверила еще раз. На подоконнике лежала деревянная машинка без колеса. Митька забыл ее три года назад и давно вырос из таких игрушек, но Агафья всякий раз собиралась убрать машинку в сундук — и всякий раз оставляла. Просто место у нее было хорошее.

На стекле старой семейной фотографии пробежала тонкая синяя жилка света, будто кто-то за окном провел спичкой. Агафья подошла к окну. За стеклом были двор, куры, сарай, поленница и калитка. Дальше тянулись огороды, дорога, поле, а за ним начиналась околица. Там лежал Чертов Пятачок.

Место это Агафья не любила. Бояться голого клочка земли смешно, но Пятачок был нехороший: ничего там не росло — ни трава, ни репей. Круглая лысая земля, будто ее кто-то вытер. А Архип Чудин лет двадцать назад пустил слух, будто там тарелка садилась.

Архипу бы только языком молоть. Что тарелка, что самовар, что дирижабль — лишь бы слушали. Агафья поймала себя на том, что думает об Архипе, и раздраженно дернула занавеску.

— Совсем делать нечего.

Со двора раздался звон. Потом еще один. Следом — победное кукареканье.

— Ах ты ж вредитель пернатый!

Агафья поспешила во двор. Генерал Громыхало воевал с оцинкованным ведром. В его боку отражался сам Генерал: красный гребень, белая грудь, глаза, полные военного безумия. Петух решил, что во дворе появился соперник — наглый, молчаливый и блестящий, а потому ударил клювом и отскочил.

Дзынь.

Куры с визгом шарахнулись к забору.

— Громыхало! Генерал ты мой жестяной, отойди от ведра. Оно тебе не враг, оно тебе инвентарь!

Петух покосился на хозяйку одним глазом, будто взвешивал ее полномочия. Ведро вдруг тихонько звякнуло само по себе. Звук не оборвался, а протянулся по двору тонкой дрожащей ниткой, ушел к сараю, потом дальше, за огород, будто кто-то там, на околице, подхватил его и потянул.

Генерал вытянул шею и уставился в сторону поля. Куры притихли.

— Чего уставился? Там тебе не курятник.

Петух кукарекнул не как обычно — нахально, на весь двор, а коротко и хрипло, будто хотел предупредить, да слов не нашел. Агафья посмотрела туда же. За огородами лежала обычная заворотинская даль: без тарелок, без пришельцев и

прочей Архиповой ерунды.

— Весна на голову действует. И на петушиную особенно. Она поставила ведро к сараю и пригрозила Генералу пальцем.

— Еще раз инвентарь тронешь — пойдешь не в генералы, а в суповую историю.

В кухне пироги уже пахли — горячо, сладко, сытно. Такой запах не терпел пустого дома: он требовал голосов, шагов и детского смеха. Агафья только собралась проверить печь, как в калитку постучали.

Не спросили. Не позвали. Именно постучали — деликатно, но настойчиво. Так стучала только Прасковья Шептунова: будто давала человеку последнюю возможность сделать вид, что его нет дома, и тут же лишала этой возможности.

— Открыто! Если с добром.

Через минуту в сени вошла Прасковья. Маленькая, круглая, быстрая. В Заворотино говорили: если новость родилась на одном конце деревни, на другом она появится уже с Прасковьиным комментарием.

— Агафья, ты дома?

— Нет, — сказала Агафья, вытаскивая противень. — Я на собрании в Кремле.

— Шутишь, значит, живая. Это хорошо.

— Кому как. Чего пришла?

Прасковья поставила на лавку пустую банку.

— Баночку вернула. Ты мне в прошлом году крыжовен-

ного давала.

— Пустую?

— Полную вернуть — это уже торговля.

— Садись.

Прасковья села так, чтобы видеть Агафью, окно, дверь и кусок двора.

— Павел-то едет?

— Завтра, может.

Прасковья протянула сочувственное «а-а», и Агафье сразу захотелось дать ей пирог похуже.

— Не акай. Дорога плохая.

— Я и говорю. Но я не про дорогу.

— Конечно. Ты никогда не про то, с чего начала.

Прасковья подалась вперед.

— У Чертового Пятачка опять видели.

Агафья поставила пироги на стол.

— Кого?

— Не кого, а что. Свет. Синий такой, тонкий. Филимон Балагуров говорит, это они место проверяют.

— Кто — они?

— Ну не районная же администрация. Хотя от тех тоже всего ждать можно.

— Пришельцы, что ли?

— Ты тише. Вдруг услышат?

— Если у пришельцев слух такой, что они из космоса тебя на моей кухне слышат, им надо не людей похищать, а в

филармонии работать.

Прасковья не обиделась.

— Смейся. А Архип-то Чудин давно говорил: Чертов Пятачок не просто так лысый. Там, говорит, тарелка садилась. И не простая, а с намерениями.

— У Архипа в голове тарелка садилась. И не одна.

Прасковья прищурилась.

— А ты, гляжу, осведомлена, что у Архипа в голове.

— Я осведомлена, потому что у него сарай через два двора грохочет. Хочешь не знать про Архипа — оглохни.

— Интересный мужчина.

— Интересный — это когда пользы нет, но смотреть любопытно.

— А тебе любопытно?

Агафья резко повернулась к печи.

— Мне любопытно, не подгорел ли пирог. Остальное к делу не относится.

Прасковья улыбнулась, но спорить не стала. Это было подозрительно.

— Так вот. Филимон говорит, раз свет появился, значит, вернутся.

— Кто?

— Ну пришельцы! Архип раньше рассказывал: прилетали они, смотрели на нас, да образец не взяли. А теперь вернутся за образцом человека.

Агафья медленно положила полотенце на стол.

— За каким еще образцом?

— Вот и мы у магазина спорили. Если образцового брать, вроде старосту надо. Но у старосты забор третий год падает. Если самого здорового — Прохора. Но Прохор как рот откроет, вся планета откажется. Если самого умного — тут вопрос тонкий.

— Себя предложила?

— Я? Мне хозяйство бросать нельзя. У меня коза нервная.

— Значит, пришельцы без тебя пропадут.

— А Зинаида-фельдшер говорит, если они продвинутые, надо у них таблетки от суставов попросить.

Агафья села напротив. Не потому что заинтересовалась.

Просто ноги устали.

— Прасковья, ты сама себя слышишь? У нас мост размыло, у Матвея сдачи вечно нет, а ты мне космос принесла.

— Я не сплетничаю, Агафья. Я население предупреждаю.

— Население у нас с утра предупреждено: куры кормлены, пироги в печи, лишние языки прикушены.

— Язык прикусишь — информацию потеряешь.

— Зато тишину приобретешь.

Прасковья хотела ответить, но вдруг замолчала. Марфа-Полночница сидела у печи и снова смотрела в пустой угол. Не просто смотрела — следила, медленно, не моргая.

— Кошка-то у тебя кого-то видит, — понизила голос

Прасковья.

— Она мышей видит. А ты — пришельцев. Каждому свое.

На столе возле миски что-то едва заметно шевельнулось. Мука, рассыпанная после раскатки, лежала уже не как попало: тонкий белый след сам собой вытянулся в почти правильный кружок. Круг был маленький, с блюдце, но уж больно аккуратный.

Агафья смахнула его ладонью.

— Сырость.

Прасковья посмотрела на сухой стол.

— Сырость?

— Она самая. В доме, на улице и в головах.

Прасковья поднялась.

— Ладно, пойду. Мне еще к Зинаиде. Она хотела узнать, есть ли у пришельцев медицина по записи или живая очередь.

— Скажи ей, чтоб сначала наших людей вылечила от разговоров.

— От разговоров лекарств нет. Это не болезнь, это связь.

У двери Прасковья остановилась.

— А ты, Агафья, смотри.

— Куда?

— Вообще. Пришельцы, они одиноких первыми забирают.

В кухне стало тише. Пирог потрескивали на противне. Самовар темнел в углу. Марфа не двигалась.

Агафья подняла скалку со стола. Не грозно — просто взяла, будто убирала на место.

— Пусть попробуют. У меня скалка тяжелая.

Прасковья улыбнулась, но почему-то не засмеялась.

— Вот за это тебя и уважаю.

— Иди уже. Уважение сквозняк делает.

Прасковья ушла, оставив после себя запах улицы, мокрой травы и чужих разговоров. Агафья закрыла дверь на крючок и вернулась к столу. Пироги вышли хорошие: румяные, крепкие, домашние. Малиновый чуть подтек, но не сильно. Митька такой любил — чтобы начинка липла к пальцам.

Агафья поставила пироги под полотенце. Достала чашку, налила себе кипятку, но чай не заварила. Потом посмотрела на скалку в руке.

— Тоже мне, защитница вселенская.

И все-таки повесила скалку не в ящик, а на гвоздик у печи. Как раз на высоте руки.

Марфа-Полночница сидела у печного угла. Желтые глаза ее были неподвижны, усы чуть дрожали. Она смотрела туда, где ничего не было, и медленно, почти беззвучно шипела.

Агафья заставила себя не оглядываться.

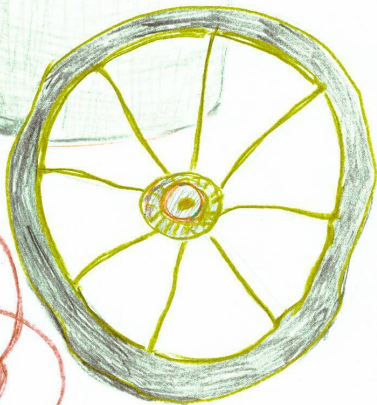
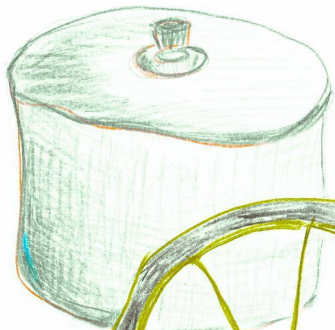
— Нечего. Нет там никого.

За окном, далеко за огородами, Генерал Громыхало вдруг крикнул. Коротко. Сердито. Совсем не по времени.

Агафья подошла к окну. Двор был пуст. Куры копались у сарая. Небо темнело перед дождем. За полем, там, где дорога сворачивала к Чертовому Пятачку, лежала обычная серая даль. Ничего особенного.

Агафья плотнее задернула занавеску и сказала дому:
— Ничего. Наших не тронут.

Глава 2. Чертов Пятачок

3
Appany

Архип Чудин с утра собирал прибор, назначение которого пока сам до конца не утвердил. На верстаке лежало старое радио «Океан», кастрюля без ручки, велосипедное колесо, моток медной проволоки, две прищепки, кусок резинового шланга и жестяная крышка от банки с огурцами. По отдельности всё это было хламом. Вместе — уже почти изобретением.

Архип уважал такие состояния материи.

— Значит, так, — сказал он радио. — Ты у нас будешь головой. Кастрюля — корпусом. Колесо — для вращательного достоинства.

Радио молчало. Изнутри у него торчали проводки, похожие на стариковские усы после бани.

— Не смотри на меня так, — сказал Архип. — Сам виноват. Нечего было на чердаке двадцать лет пылиться.

Он зажал плоскогубцами медную проволоку, потянул, скрутил петлю и прикрепил к велосипедной спице. Колесо качнулось, провернулось и задело кастрюлю.

Дзынь.

— Вот! — обрадовался Архип. — Уже голос подаешь. А Агафья скажет: «Архип, опять железом гремишь». А я скажу: «Не железом, Агафья Ивановна, а связью миров».

Он замолчал и поправил на переносице очки, которых на

нем не было. Очки он потерял весной, нашел летом в банке с гвоздями, потом опять потерял, но жест остался. Особенно когда Архип думал о серьезном.

Агафья Ладина была делом серьезным.

Он вытер руки о ватник и осторожно достал из нагрудного кармана сложенную вчетверо бумажку. Третий день носил ее с собой, переписывал по вечерам и всё никак не мог решить, хороша она или позорна.

На бумажке было написано:

«Агафья Ивановна, жизнь наша не молодеет, но это не повод ей одной за печкой сидеть. Я человек, конечно, с особенностями, но хозяйственный. Если ты не против, я бы хотел...»

Дальше шло зачеркнутое:

«...чтобы мы с тобой чаще пили чай».

Тоже зачеркнуто.

Ниже стояло:

«...чтобы ты не гнала меня сразу».

Это Архип счел самым честным, но не самым торжественным. Он вздохнул, сложил бумажку обратно и спрятал в карман.

— Скажу проще. Зайду и скажу: Агафья, я к тебе по сердечному делу. Нет, плохо. Сердечное дело — это у Зинаиды в медпункте.

Он взял отвертку и подкрутил винт, который ничего не держал, зато успокаивал.

— Агафья, я к тебе по человеческому делу. Тоже плохо. Она спросит, с какого времени я стал человеком.

Из-под верстака высунулась собака Жулик, дворняга неясного возраста и ясной наглости. Жулик посмотрел на хозяина, зевнул и положил морду обратно на лапы.

— Тебе хорошо, — сказал Архип. — Ты гавкнул — и все поняли. А человек скажи лишнее слово — потом вся деревня год вспоминает.

Снаружи хлопнула калитка. Архип быстро накрыл бумажку ладонью, хотя она уже была в кармане.

— Жива ли инженерная мысль? — донеслось со двора. — Или марсиане забрали только лучшую часть?

В сарай вошел Филимон Балагуров. Ходил он так, будто в каждом кармане у него лежало по шутке, а за пазухой — еще одна, на случай войны. В одной руке Филимон держал палку, в другой — связку сушеных грибов, зачем-то перевязанную красной ниткой.

— Не марсиане, а межгалактическая связь, — сказал Архип. — И ты, Филимон, входи тише. Тут тонкая настройка. Филимон оглядел верстак.

— Вижу. Радио, кастрюля, колесо. Тонкая — аж страшно дышать. Это ты с кем переписываться собрался? С зелеными человечками или сразу с председателем вселенной?

Архип поднял кастрюлю и примерил к ней крышку.

— Называется прибор: приемник межгалактической вежливости.

— Это как?

— Очень просто. Если кто из космоса летит, он сначала обязан постучаться, представиться и спросить, можно ли садиться. А то у нас тут не проходной двор.

— Правильно, — согласился Филимон. — Особенно если садиться будут на Чертов Пятачок. Там земля государственная, хоть и бесполезная.

Архип хмыкнул.

— Бесполезная — это ты зря. У всякого места своя функция.

— У Пятачка какая?

— Людей развлекать.

Филимон ткнул палкой в велосипедное колесо. Колесо провернулось, кастрюля звякнула, радио сипло кашлянуло.

— О! Уже кто-то отвечает. Скажи им: Филимон Балагуров занят, похищать его нельзя. У него грибы.

— Тебя похитят — сами обратно сдадут. С пометкой: «Говорит без выключателя».

Филимон довольно уселся на ящик.

— Агафья-то знает, что ты опять с марсианами переписываешься?

Архип дернул плечом.

— При чем тут Агафья?

— При всем. Ты когда о ней думаешь, у тебя железки громче звенят.

— У меня железки звенят, когда некоторые палкой тычут

куда не просят.

— Ага. Значит, думаешь.

Архип взял напильник и стал пилить край жестяной крышки. Пилить было нечего, но руки занять надо.

— У тебя, Филимон, язык впереди головы живет.

— Зато дорогу знает. Ты к ней пойдешь?

Напильник соскочил.

— К кому?

— К голове? К Агафье, конечно. Вчера у магазина Прасковья говорила, что Павел к ней с детьми едет. А когда дети приезжают, баба мягче делается: пироги, постели, душа наружу. Самое время человеку с намерением появиться.

Архип поднял глаза.

— Ты бы помолчал о чужих намерениях.

— Так они у тебя не чужие. Они у тебя из кармана торчат.

Архип машинально хлопнул себя по нагрудному карману.

Филимон засиял.

— Ага! Бумажка! Речь написал?

— Список деталей.

— К Агафье?

— К прибору.

— Ну да. «Деталь первая: не выгнать Архипа с крыльца.

Деталь вторая: дать чаю. Деталь третья: не бить скалкой».

— Скалкой она меня не била, — сказал Архип.

— Пока.

Архип хотел ответить, но промолчал. С Агафьей нельзя

было быть уверенным насчет скалки. С ней вообще многое было не как у других. Другие женщины слушали, если мужчина говорил красиво. Агафья слушала, если мужчина говорил по делу. Другие могли улыбнуться из вежливости. Агафья, если улыбалась, значит, или правда смешно, или сейчас будет беда. Другие жаловались на одиночество. Агафья кормила кур, чинила забор, пекла пироги и делала вид, что ей никто не нужен.

Архипу от этого хотелось то спорить, то помогать, то немедленно строить что-нибудь полезное размером с сарай.

Он вставил медную петлю в дырку кастрюли и затянул гайку.

— Прибор нужен. В хозяйстве пригодится.

— Конечно, — кивнул Филимон. — Каждой деревне нужен кастрюльный приемник вежливости. Без него нынче никуда. Особенно когда пришельцы вернутся за образцом человека.

Архип поморщился.

— Опять ты про образец.

— А что? Хорошая байка. Твоя, между прочим.

— Моя была лучше. Ты ее испортил.

— Я ее развил.

— Ты любую историю развиваешь до уголовного дела.

Филимон хмыкнул.

— Зато народ слушает. Помнишь, как ты первый раз рассказал?

Архип помнил.

Лет двадцать назад, а может, и больше, вечер стоял такой же сырой, с низкими облаками. У магазина мужики спорили, почему на Пятачке ничего не растет. Один сказал — земля плохая. Другой — проклятие. Третий — что там когда-то телега с дегтем перевернулась. Архип тогда был моложе, глупее и с усами потемнее. Ему хотелось, чтобы слушали не старосту, не Филимона, не приезжего агронома, а его.

Вот он и сказал:

— Какая телега? Там тарелка садилась.

Все повернулись. А Архип продолжил: про огонь без дыма, круглый след, пришельцев, которые вышли, посмотрели на Заворотино, решили, что цивилизация тут сложная, и улетели за инструкцией. Потом добавил, что вернутся за образцом человека, потому что без образца никакая наука не работает.

Смеялись долго. Потом пересказывали. Дети стали бегать на Пятачок смотреть, не остались ли болтики от тарелки. Прасковья услышала и передала дальше так, что в истории появились зеленые глаза, серебряная лестница и женщина в белом, которую никто не видел, но все уважали.

С тех пор Чертов Пятачок стал не просто лысым местом. Он стал местом с прошлым.

Архип тогда гордился. Деревня спорила о его словах. Агафья одна сказала:

— Умный мужик делом след оставляет, а не языком на

пустой земле.

И вроде бы осаждала. А Архип запомнил — потому что сказала она это ему, глядя прямо, без смешка. Как будто ждала, что он и правда способен на дело.

— Байка была безвредная, — сказал он. — Народу скучно было.

— Народу всегда скучно, пока кто-нибудь не выдумает беду. А ты умеешь.

— Я выдумываю не беду, а перспективу.

— Вот и выдумай себе перспективу с Агафьей.

Архип бросил на него напильник. Не сильно. Филимон увернулся заранее, будто этого и ждал.

— Нервничаешь, — сказал он. — Значит, пойдешь.

— Пойду, — вдруг сказал Архип.

Филимон перестал улыбаться.

— Серьезно?

Архип сам удивился, что сказал это вслух. Но отступить было поздно. Да и сколько можно? Сколько лет он заходил к Агафье «по делу»: то ножи наточить, то калитку поправить, то самовар посмотреть, то сказать, что у нее труба дымит не так. Труба дымила нормально. Самовар был крепче районной власти. Калитка скрипела, но честно.

Он ходил, потому что хотелось видеть, как она выходит на крыльцо, вытирая руки о передник, щурится и говорит: «Чего тебе, Чудин?» — будто ему надо оправдаться за само существование. И каждый раз он оправдывался железками.

Сегодня надо было иначе.

— Пойду, — повторил Архип. — Вечером. На минутку. Скажу как есть.

Филимон присвистнул.

— Это ты зря.

— Почему?

— «Как есть» люди не выдерживают. Надо с прибауткой.

— Вот ты всю жизнь с прибауткой и ходишь. Много счастья нажил?

Филимон открыл рот, закрыл и вдруг засмеялся, но тише обычного.

— Ладно. Тут ты меня поддел. А что скажешь?

Архип выпрямился.

— Скажу: Агафья Ивановна, я человек не новый, но исправный. Хозяйство знаю. Технику понимаю. Вредных привычек у меня немного.

Филимон загнул палец.

— Хвастаться.

— Это не вредная, это защитная.

— Греметь.

— Производственная.

— Врать про тарелки.

— Художественная.

— Бояться Агафьи.

Архип нахмурился.

— А вот это полезная. Долше проживешь.

Филимон хлопнул ладонью по колену.

— Годится. Только про исправность не говори. Женщина

— не комиссия при сельсовете.

— Сам знаю.

— И про хозяйство поменьше. А то она тебя сразу к забору приставит.

Архип задумался. Это было похоже на правду.

— Тогда скажу проще.

— Как?

Он достал бумажку. Филимон вытянул шею, но Архип отвернулся.

— Агафья, я к тебе... не по ремонту. Не по шутке. И не потому, что мимо шел. Я к тебе потому, что мне без тебя...

Он осекся. В сарае стало тихо. Даже Жулик поднял голову.

Филимон уже не улыбался.

— Ну?

— Не твое дело.

— Конечно, не мое, — сказал Филимон. — Но если ты это ей скажешь, она тебя не сразу выгонит.

Архип спрятал бумажку.

— Спасибо за прогноз. Точный, как твои грибы.

— Грибы настоящие. Почти все.

Архип вернулся к прибору. Надо было доделать, иначе руки начнут дрожать от другого дела. Он прикрутил крышку к кастрюле, провел медную проволоку к антенне радио, поста-

вил колесо на деревянную стойку и дернул за спицу. Колесо завертелось. Кастрюля зазвенела. Радио хрипнуло, щелкнуло и вдруг ожило.

Сначала пошли помехи.

— Ш-ш-ш...

Потом чей-то голос, далекий, плоский, словно из железной трубы, произнес:

— Заявка принята.

Колесо остановилось. Филимон замер на ящике. Жулик зарычал под верстаком.

Архип медленно наклонился к радио.

— Что?

Радио молчало. Он покрутил ручку настройки. Поймал обрывок песни, потом шипение, потом чей-то разговор о погоде из районной станции. Обычный голос, обычная передача.

Филимон почесал затылок.

— Это не я.

Архип посмотрел на него.

— Что — не ты?

— Ну это. «Заявка принята». Я красиво шучу, но не чревоуещаю в кастрюлю.

— Конечно, не ты. У тебя бы голос был противнее.

Он снова крутанул колесо. Ничего. Только шипение.

Филимон поднялся.

— Архип, а вдруг оно правда?

— Что правда?

— Ну... приняли.

— Кто?

— Эти. Вежливые. Межгалактические.

Архип фыркнул громче, чем хотел.

— Филимон, у тебя в голове сквозняк. Радио поймало какую-нибудь диспетчерскую. Или трактористов. Или твой же голос из прошлого, где ты еще умел молчать.

— Я в прошлом тоже не злоупотреблял.

— Вот именно, что не злоупотреблял. Ты им жил.

Архип выключил радио. Щелчок прозвучал резче нужного.

Филимон внимательно смотрел на прибор.

— А ты его сегодня к Агафье возьмешь?

— Зачем?

— Ну как доказательство серьезных намерений.

— Женщине не кастрюлю надо показывать, а уважение.

— Хорошо сказал. Запиши.

Архип опять хлопнул себя по карману, где лежала бумажка. Филимон заметил, но промолчал. Для него это был почти подвиг.

За сараем прокатился ветер. Дверь дернулась на крючке. С крыши посыпалась сухая труха. Где-то далеко крикнул петух — коротко, сердито, будто не рассвет объявлял, а тревогу.

Архип вышел из сарая. Небо над Заворотино темнело пе-

ред дождем. За огородами тянулась дорога к околице. Там, за полем, лежал Чертов Пятачок — круглая лысая земля, с которой когда-то началась его самая удачная и самая глупая выдумка.

Архип посмотрел туда и вдруг почувствовал не гордость, не смешок, а неловкость. Старая байка будто стояла за спиной и ждала, когда он признает ее своей.

— Не нравится мне сегодня Пятачок, — сказал Филимон за плечом.

— Он тебе когда-нибудь нравился?

— Когда я мальчишкой был, мы там костер жгли. Весело было.

— Вот потому там ничего и не растет.

Филимон усмехнулся, но не сразу.

— Ты вечером-то иди засветло. Агафья, конечно, женщина крепкая, но ночью к ней лучше не стучать.

— Я не дурак.

— Это спорно, но допустим.

Архип вернулся к верстаку, поднял прибор и поставил на полку. Прибор выглядел нелепо и важно: кастрюля блестела боком, колесо торчало, как антенна, медная проволока обвивала радио кривым венком.

— Приемник межгалактической вежливости, — тихо сказал Архип. — Работает. Почти.

— Вот и попроси его, чтоб Агафья была сегодня добрая.

— Агафья добрая. Просто не всем показывает.

Филимон поднял руки.

— Всё, молчу. А то скажу лишнее, оно еще сбудется.

— С тебя станется.

— Сбудется — будешь благодарить.

Архип не ответил. Он достал бумажку еще раз, разгладил на верстаке и зачеркнул все прежние строчки. Потом написал крупно, чтобы не увильнуть:

«Агафья, я пришел не по делу. Я пришел к тебе».

Посмотрел. Покраснел, хотя в сарае никого, кроме Филимона и Жулика, не было.

— Нормально, — сказал Филимон.

— Ты не читал.

— У тебя уши покраснели. Значит, нормально.

Архип сложил бумажку и сунул в карман.

До вечера оставалось несколько часов. Надо было умыться, переодеться, найти приличную шапку — не ту, что с прожженным ухом, — и решить, что взять с собой. С пустыми руками идти к Агафье нельзя. С цветами — смешно, да и где их взять, кроме как с чужой клумбы. С прибором — опасно: она решит, что он пришел ремонтировать космос. Пирожков тоже нести не стоило. У нее свои лучше.

Можно было взять банку меда. Или новый крючок для калитки. Крючок был полезнее, но мед говорил мягче. Архип подумал и решил взять и то и другое. Если не получится сердечно, получится хозяйственно.

Филимон уже уходил, но обернулся у двери.

— Архип.

— Чего?

— Если она тебя прогонит, не шути.

— Почему?

— Потому что с шуткой ты опять спрячешься. А ты сегодня не прячься.

Архип хотел отмахнуться, но слова застряли. Филимон редко говорил без насмешки. Когда говорил, к нему приходилось прислушиваться, как к старой балке: скрипит, но держит.

— Иди уже, философ.

— Пошел. Марсианам привет.

— Передам, если вежливо постучатся.

Филимон ушел. Калитка хлопнула. Жулик снова улегся под верстаком.

Архип остался один. Он выключил свет, потом снова включил, проверил карман с бумажкой, подошел к полке и покрутил колесо приемника. Радио не было включено, но из глубины корпуса вдруг тихо щелкнуло.

Архип замер.

— Филимон?

Ответа не было. Радио молчало. Кастрюля молчала. Колесо неподвижно торчало вверх, похожее на ухо.

Архип постоял, потом усмехнулся.

— Подшутил, старый черт. Небось нитку протянул.

Он обошел прибор, заглянул за полку, под верстак, в пу-

стю кастрюлю. Нитки не нашел. Это его немного разозлило.

— Ладно, — сказал он прибору. — Разберемся потом. Сейчас у меня дела важнее вселенной.

Архип вышел из сарая и запер дверь на крючок. Над околицей темнела туча. Дорога к дому Агафьи была видна между заборами — мокрая, неровная, знакомая до последнего камня. Он провел ладонью по карману, где лежала бумажка, и решительно направился к дому.

Вечером он зайдет к Агафье Ладиной на минутку и поговорит серьезно. А если Вселенная действительно что-то там приняла, пусть подождет. У Архипа Чудина на сегодня была заявка поважнее.

Глава 3. Информационное население

У магазина Матвея Квасова новости не просто обсуждали — их там выращивали. Кто-нибудь приносил маленькое зернышко: «слышали?», «говорят», «видели». Зернышко падало на лавку у крыльца, попадало в хорошие руки, обрастало подробностями, чужими мнениями, личными обидами, погодой, ценой на сахар и к вечеру становилось таким кустом, что под ним можно было спрятать козу.

В тот день зернышко принесла Прасковья Шептунова. Она шла от Агафьи Ладиной быстро, но без суеты: настоящая новость не любит беготни. Если бежать — люди подумают, что пожар. Если плестись — решат, что ничего важного. Прасковья держала правильную скорость: для тревоги, но без паники.

У магазина уже стояли свои. Староста Семен Егорыч подпирал крыльцо плечом и смотрел на дорогу так, будто дорога была виновата перед администрацией. Фельдшер Зинаида Петровна считала в авоське пузырьки с валерьянкой. Матвей Квасов, хозяин лавки, ковырял карандашом в бухгалтерской тетради. Рядом сидели Филимон Балагуров, Прохор с красным носом, две бабки из Нижнего конца и мальчишка Витька, который пришел за хлебом, а остался за информацией.

— Ну? — спросил Филимон, едва Прасковья подошла. — Жива Агафья?

— А с чего бы ей неживой быть?

— Ты к ней ходила с новостью. От твоих новостей некоторые по три дня давление меряют.

— Давление у людей не от новостей, а от непривычки к правде, — сказала Прасковья и поставила пустую банку на лавку. — Агафья пироги печет. Павел с детьми завтра придет, если дорогу не смоет. Кошка у нее в угол смотрит. Петух с ведром воюет. И вообще, у Чертового Пятачка свет видели.

Последнее она сказала тем же голосом, что и про банку, но все сразу повернулись. Даже Матвей поднял голову от тетради.

— Какой свет? — спросил он.

— Синий. Тонкий. Непонятный.

— Молния? — спросил староста.

— Молния сверху вниз, Семен Егорыч. А этот, говорят, снизу вбок.

Староста нахмурился.

— Снизу вбок — это уже нарушение.

— Чего? — спросил Прохор.

— Порядка.

Филимон хлопнул себя ладонью по колену.

— Ну все. Раз порядок нарушен, надо звонить в район.

Пусть пришлют комиссию по боковым молниям.

Семен Егорыч достал из кармана старенький кнопочный

телефон и посмотрел на него с тоской.

— А я вот думаю: может, и правда позвонить.

— Кому? — спросила Зинаида.

— В район.

— И что скажете? — Матвей прищурился. — Здравствуй-те, у нас на лысом месте опять непонятно?

Староста спрятал телефон, потом снова достал.

— Надо формулировку подобрать.

— Пишите: «подозрительное сияние», — подсказала Прасковья. — Звучит солидно.

— «Тарелка» понятнее, — сказал Витька.

Все посмотрели на него.

— Ты хлеб купил? — спросил Матвей.

— Купил.

— Тогда молчи как потребитель, а не как специалист.

Витька обиделся, но не ушел. Староста нажал пару кнопок, потом замер.

— Если сказать «тарелка», засмеют.

— А если «подозрительное сияние», придут? — спросила одна из бабок.

— Могут.

— Кто?

— Кто-нибудь.

Филимон развел руками.

— Вот оно, государственное управление. Не знаем кто, но могут.

Зинаида Петровна поставила авоську на лавку.

— Если кто-нибудь придет, пусть сразу ко мне зайдет. Я бы у них уточнила.

— Что? — спросил Матвей.

— Медицинскую часть.

— У района?

— У пришельцев.

На крыльце стало тихо. Прохор кашлянул, но Зинаида не смутилась: поправила платок, будто собиралась не говорить о пришельцах, а принимать больного по расписанию.

— Если цивилизация развитая, значит, медицина тоже. Мне не для себя. У меня суставы терпимые. А вот у населения колени, поясницы, давление, бессонница. Если есть таблетки — надо брать.

— Зинаида Петровна, — сказал староста, — мы еще не установили, что это пришельцы.

— А когда установим, поздно будет. Они улетят, а у нас как болело, так и будет болеть.

Прасковья одобрительно кивнула.

— Правильно. Надо заранее составить список.

— Список больных? — спросил Матвей.

— Список просьб, — сказала Зинаида. — У кого суставы, у кого давление, у кого муж пьет.

— Муж пьет — это не к пришельцам, — сказал Филимон.
— Это к терпению.

Одна из бабок фыркнула:

— Терпение у нас давно без рецепта закончилось.

Матвей закрыл тетрадь и задумчиво посмотрел на дорогу к околице.

— Если оно правда что-то такое, народ поедет смотреть.

— Кто поедет? — спросил Семен Егорыч.

— Соседние. Городские. Любопытные. Сейчас всем надо, чтоб необычно. У нас Чертов Пятачок, место историческое. Можно табличку поставить.

— Какую еще табличку?

— «Место предполагаемой посадки». Или «Пятачок межпланетного значения».

— Ты бы еще билеты продавал, — сказала Прасковья.

Матвей оживился.

— А что? Не билеты — пожертвования на благоустройство. И магнитики.

— Какие магнитики? — спросила Зинаида.

— С Пятачком. Круглый такой магнитик, а на нем тарелка и надпись: «Я был в Заворотино, и меня почти забрали».

Филимон заплодировал палкой по лавке.

— Матвей, ты человек будущего. Пришельцы еще не прилетели, а ты уже сдачу с них не дашь.

— Сдача — отдельная услуга, — не смутился Матвей. — И потом, деревне доход нужен. Клуб чинить надо. Мост размывает. У старосты забор падает.

— Мой забор к межпланетному вопросу не относится, — сказал Семен Егорыч.

— Все в деревне ко всему относится, — сказала Прасковья. — Особенно если у забора вид неприличный.

Староста покраснел и снова посмотрел на телефон.

— Так. Давайте серьезно. Кто видел свет?

Все оглянулись. Серьезность сразу уперлась в обычную заворотинскую трудность: каждый знал того, кто слышал про того, кто вроде бы видел.

— У магазина говорили, что видел Пахом, — сказала бабка из Нижнего конца.

— Пахом с утра говорит, что видел два солнца, — возразил Матвей. — Но это он после Прохоровой настойки.

— Настойка лечебная, — сказал Прохор.

— От чего?

— От уныния.

— Уныние у тебя, смотрю, давно вылечено, — заметила Зинаида.

Филимон поднял палец.

— Свет видели не только люди. У Агафьи кошка в угол смотрит, петух с ведром воюет. У Архипа сегодня в сарае тоже что-то звенело. Я сам слышал.

Прасковья сразу повернулась к нему.

— Ты у Архипа был?

— Был.

— Что делает?

— Прибор.

— Какой?

Филимон выдержал паузу.

— Приемник межгалактической вежливости.

Все молчали секунды три. Потом Прохор сказал:

— Это чтоб материться культурно?

— Нет, — сказал Филимон. — Это чтоб если кто из космоса летит, сначала постучался.

— Хорошая вещь, — серьезно сказала одна бабка. — А то нынче все без спросу.

Староста потер переносицу.

— Только этого нам не хватало. Архип с прибором, Пятачок со светом, Прасковья с информацией.

— Я население предупреждаю, — сказала Прасковья.

— Ты население заводишь.

— Население само заводится. У него заводка слабая.

Витька, который все это время делал вид, что изучает хлеб, вдруг спросил:

— А если они правда вернуться за образцом человека?

Староста вздрогнул.

— Кто тебе такое сказал?

Витька показал на Филимона. Тот поднял обе руки.

— Я только повторил исторически сложившуюся версию.

Автор — Архип Чудин. Обработка народная.

— Вот из-за таких обработок потом в район и звонить стыдно, — сказал Семен Егорыч.

— А что не так? — спросил Филимон. — Любая наука требует образца. Если пришельцы изучают человечество, им

надо взять кого-то одного. Представителя.

— Пусть берут Прохора, — сказала бабка. — Он у нас громкий. Сразу поймут, что люди серьезные.

— Меня нельзя, — сказал Прохор. — У меня поросенок некормленный.

— У всех причины, — сказала Прасковья. — Никто не хочет ради науки.

— А кто у нас самый образцовый? — спросила Зинаида.

Вопрос оказался опасным. Все сразу выпрямились.

— Если по должности, то я, — откашлялся староста.

— Если по должности, — сказала Прасковья, — у тебя забор должен стоять.

— Опять забор!

— Он символ.

Матвей поднял карандаш:

— Если по хозяйственности, Агафья Ладина. У нее и пироги, и куры, и скалка. Пришельцам полный комплект.

Прасковья покачала головой.

— Агафью не отдадим. Она сопротивляться будет. Еще тарелку повредит.

Филимон рассмеялся.

— Представляю. Прилетят: «Мы за образцом». А она им: «Образец чего? Невоспитанности? Разулись сначала».

— Правильно скажет, — заметила Зинаида.

— Тогда Архипа, — предложил Витька. — Он с ними разговаривать умеет.

— Архипа нельзя, — сказал Филимон. — Он сам их позвал. Свидетель заинтересованный.

— Кого же тогда? — спросил Прохор.

Все задумались. И это было странное молчание: до того смеялись, перебивали, тыкали друг в друга пальцами, а теперь каждый на миг представил, как это — если кто-то правда придет и выберет. Не по шутке. Не для разговора у магазина. А насовсем.

Прасковья первой нарушила тишину:

— Никого не отдадим. У нас людей и так мало.

Матвей буркнул:

— Туристов можно было бы.

— Туристы не наши, — сказала Зинаида. — Их обратно надо.

Филимон ткнул палкой в землю у крыльца.

— Вот видите. А говорите, деревня у нас не дружная. Как отдавать — сразу все родные.

Семен Егорыч наконец решился и нажал кнопку вызова. Телефон пискнул. Все замерли.

— Куда звоните? — шепотом спросила бабка.

— В районную дежурную.

— Формулировку выбрали?

Староста посмотрел на всех так, будто они его предали. В трубке что-то шелкнуло.

— Алло? Здравствуйте. Это Заворотино. Нет, не по мосту. То есть мост тоже, но сейчас другое. У нас тут... — он

зажмурился. — На территории за околицей замечено подозрительное природное явление.

Филимон беззвучно показал руками «тарелку». Прасковья шикнула.

— Какое именно? — переспросил староста в трубку и побледнел. — Ну... визуальное. С элементами свечения. Нет, не пожар. Нет, не электрики. Провода там не проходят. Да, место лысое. Что значит — почему лысое? Оно исторически лысое.

Витька хрюкнул от смеха. Староста отвернулся, но легче от этого ему не стало.

— Нет, пострадавших нет. Пока нет. Животные ведут себя... — он посмотрел на Прасковью.

— Умеренно подозрительно, — подсказала она.

— Животные ведут себя умеренно подозрительно, — повторил староста и тут же понял, что зря.

В трубке, видимо, что-то спросили.

— Петух, — сказал Семен Егорыч обреченно. — Один. Нет, не мой. Ладно. Хорошо. Если усилится, перезвоню.

Он отключился.

— Ну? — спросил Филимон.

— Сказали наблюдать.

— За петухом или сиянием?

— За собой, по-моему.

Матвей вздохнул.

— Район опять не готов к развитию территории.

Прасковья поднялась.

— Надо сходить посмотреть.

— Куда? — спросил староста.

— На Пятачок.

— Нельзя. Пока не ясно, что там.

— Вот и выясним.

— Я как староста запрещаю массовое движение к подозрительному природному явлению.

— А если мы не массово? — спросил Филимон. — Если культурно, по одному, но рядом?

— Филимон!

— Ладно, ладно. Стою. Не двигаюсь. Почти.

Но удержать Заворотино возле магазина было невозможно. Когда деревне говорят «не ходить», деревня сначала спрашивает «куда», потом идет туда всем составом, чтобы убедиться, что не ходить действительно не надо. Через десять минут к околице двинулись Прасковья, Филимон, Витька, Зинаида «на случай медицинской необходимости», Прохор «проверить поросенка по дороге», две бабки «просто воздухом подышать» и Матвей, который уверял, что закрывает магазин на пять минут, хотя повесил на дверь табличку: «Буду скоро. Если не заберут».

Староста шел последним и все время повторял:

— Это не сход. Это несанкционированный осмотр местности. Я против.

— Против — это тоже участие, — сказала Прасковья.

Дорога к Пятачку шла мимо огородов, старой ивы и канавы, которую каждую весну обещали прочистить. За канавой начиналось поле. Трава там уже поднялась, но у самого Пятачка всегда было пусто.

Круглая лысина земли лежала за околицей тихо и некрасиво. Ни кустика, ни былинки: серая глина, мелкая пыль, несколько камешков и следы детских сапог по краю. Никакого света не было.

— Ну? — сказал староста с облегчением. — Обычное место.

— Обычное нехорошее, — уточнила Зинаида.

Филимон подошел ближе, но на сам круг не ступил.

— Архип говорил, тут тарелка садилась точно по центру.

— Архип много что говорил, — сказала Прасковья. —

Однажды говорил, что его самовар ловит польку из Польши.

— Ловил, — сказал Филимон. — Только не польку, а помехи. Но весело.

Витька присел у края Пятачка.

— Смотрите.

По земле ползла пыль. Не от ветра — ветра почти не было. Пыль тонко двигалась по кругу, будто кто-то невидимый водил пальцем вдоль края лысого места. Сухие травинки за границей Пятачка клонились в одну сторону, потом в другую и выпрямлялись.

— Не трогай, — резко сказала Зинаида.

Витька убрал руку. Прасковья почувствовала, как у нее

между лопатками стало холодно. Не страшно, нет. Она не была из пугливых. Просто неприятно, когда земля ведет себя не по-земному.

Староста наклонился, посмотрел и выпрямился.

— Это от сырости.

— Сырость пыль по линейке не кладет, — сказала Прасковья.

— Тогда от сухости.

— Семен Егорыч, вы бы определились, а то явление запутается.

Матвей оглядел Пятачок деловым взглядом.

— Если табличку ставить, то вот здесь. Чтоб с дороги видно. А лавку для туристов — там, у ивы.

— Матвей, — сказала Зинаида, — если нас сейчас всех заберут, кому ты лавку поставишь?

— Вернут — поставлю.

Филимон вдруг торжественно снял кепку.

— Граждане заворотинцы. Предлагаю определить, кто из нас в случае межпланетного контакта будет считаться образцом.

— Ты уже предлагал, — сказала Прасковья.

— У магазина разговор был неофициальный. А тут место располагает.

— Место располагает к тому, чтобы уйти, — сказала одна бабка.

— Я за старосту, — сказал Прохор. — У него должность.

— Я против, — сказал староста.

— Тогда за Зинаиду, — предложил Витька. — Она врач.

В космосе врачи нужны.

— Я фельдшер, — поправила Зинаида. — И вообще, у меня прием по средам.

— А если Агафью? — сказал Матвей. — Она порядок наведет где угодно.

— Агафья им тарелку скалкой отремонтирует, — сказал Филимон. — В обратную сторону.

Все засмеялись. Смех прошел по краю Пятачка и как будто стал тише, чем должен был. Пыль в круге на миг поднялась белесой змейкой и легла обратно — гладко, аккуратно, по ободу.

Прасковья перестала улыбаться.

— Видели?

— Что? — спросил староста с явной поспешностью.

— Как легло.

— Ветер.

— Нет ветра.

— Значит, маленький ветер.

Филимон почесал подбородок.

— Маленький ветер с художественным образованием.

Зинаида взяла Витьку за плечо и отодвинула от края.

— Всё. Насмотрелись. Уходим. Мне это место не нравится.

— А мне, значит, должно нравиться? — сказал староста.

— Я за него отвечаю.

— Вот и отвечайте издалека.

Обратно шли медленнее, чем пришли. Никто не хотел первым признавать, что стало не по себе, поэтому говорили громче обычного. Матвей обсуждал, сколько могут стоить магнетики. Прохор уверял, что его поросенок умнее некоторых районных специалистов. Филимон рассказывал, что если пришельцы прилетят, он попросит у них аппарат, который молчание измеряет, — и подарит его Прасковье. Прасковья ответила, что Филимону аппарат для измерения совести нужнее.

Возле магазина их встретила тишина. Дверь с табличкой Матвея покачивалась. На крыльце лежал забытый Витькин хлеб.

Староста снова достал телефон.

— Надо перезвонить.

— И что скажете? — спросила Прасковья.

Он подумал.

— Скажу, что подозрительное природное явление находится под наблюдением.

— А про пыль?

— Пыль тоже под наблюдением.

— А про образец человека? — спросил Филимон.

— Про образец человека я в район звонить не буду.

— Почему?

— Потому что я еще хочу дожить до пенсии без справки

от психиатра.

Матвей открыл магазин и сразу пошел к прилавку искать чистый картон.

— Что делаешь? — спросила Зинаида.

— Эскиз. Магнитик должен быть круглый. Или тарелкой. Прасковья, как лучше надпись: «Чертов Пятачок — место силы» или «Заворотино: нас почти выбрали»?

— Пиши: «Сначала спросите разрешения у Агафьи», — сказал Филимон.

— Это длинно.

— Зато безопасно.

В этот момент Витька, который стоял на дороге и смотрел в небо, вдруг сказал:

— Смотрите.

Все подняли головы. Над околицей, высоко и чуть в стороне от тучи, тянулась тонкая светящаяся нитка. Не молния: подозрительно прямая. Не самолетный след: яркая до невозможности. Она висела в сером небе, будто кто-то провел иглой по ткани и оставил светлую стежку.

— Это самолет, — сказал староста.

— Самолетов не слышно, — сказала Зинаида.

— Значит, высоко.

— Или задумался, — сказал Филимон.

Прасковья посмотрела на нитку, потом на дорогу к Агафьиному дому, потом снова на небо.

— Самолет, — согласилась она. — Только задумчивый.

Нитка мигнула и погасла. У магазина сразу заговорили все разом. Матвей схватил карандаш. Зинаида начала считать, сколько у нее валерьянки. Староста набирал район. Филимон улыбался, но уже без прежней легкости.

Прасковья поправила платок и почувствовала: новость выросла. Теперь это был уже не куст, а дерево, и корни его уходили куда-то за околицу, в лысую круглую землю, где пыль ложилась гладким кругом.

Глава 4. Ночной стук

К ночи дом Агафьи Ладиной стал непривычно чистым. Обычно в нем что-нибудь да жило своим хозяйским беспорядком: у печи лежала щепка, на лавке сохла тряпка, в сенях стояло ведро, которое надо бы вынести, но некогда. А тут все было убрано, вымыто, сложено и накрыто. Пирогы остывали под полотенцем, постели в горнице ждали внуков, баня была приготовлена, у печи висела скалка, на крючке у двери — фонарь, а на столе стояла чашка, в которую Агафья так и не налила чаю.

Сын с детьми не приехали. Не отменили, нет: Павел звонил еще раз, сказал, что останутся по дороге у знакомых, переночуют и утром будут. Голос у него был усталый, Алена что-то смеялась на заднем плане, Митька крикнул: «Баб, малиновые не съедай!» Агафья ответила:

— Очень надо мне твои пироги есть. Приезжай — сам давись.

И положила трубку.

После этого она еще полчаса ходила по дому и проверяла то, что уже проверила. Подкинула дров в печь, хотя жара хватало, поправила полотенце на пирогах, заглянула в горницу, убрала с подоконника деревянную машинку, потом поставила обратно. Марфа-Полночница следила за ней из-под стола.

— Не смотри, — сказала Агафья. — Никакой трагедии.

Люди в дороге. Завтра приедут.

Кошка моргнула.

— Вот именно.

За окном темнело. Дождь так и не пошел, но небо опустилось низко, тяжелое, как мокрое одеяло. Ветер гонял по двору сухую шелуху. Где-то у сарая Генерал Громыхало вяло возился на насесте и время от времени недовольно булькал во сне.

Агафья заперла дверь, проверила крючок, потом щеколду. Подергала. Держит.

— Нечего тут, — сказала она двери. — Ходить по ночам.

Дверь не возразила.

Она умылась, перекинула косу на плечо и села на кровать. Ложиться не хотелось: если лечь, сразу станет слышно, как тихо в доме. А тишина сегодня была не обычная, печная и теплая, а настороженная. Будто сам дом прислушивался к чему-то за околицей.

«Глупости», — сказала себе Агафья.

Глупостей за день набралось много. Прасковья с пришельцами. Филимон с образцом человека. Архип со своей старой тарелкой. Чертов Пятачок, будь он неладен. Петух, который воевал с ведром и орал не ко времени. Марфа, шипящая в пустой угол. А еще эта дурацкая фраза: одиноких первыми забирают.

Агафья дернула одеяло.

— Забирают они. Нашли багаж.

Она легла, повернулась на правый бок, потом на левый. Встала, пошла на кухню, проверила печную заслонку. Вернулась. Снова легла. На лавке в кухне тихо скрипнула доска.

— Марфа?

Из темноты блеснули желтые глаза. Кошка сидела у двери в сени: спина дугой, хвост трубой, уши прижаты.

— Ты чего?

Марфа не ответила. Она смотрела на дверь.

Агафья спустила ноги с кровати. Пол был холодный. Она нащупала тапки и встала.

— Мышь там, что ли?

Кошка тихо зашипела. Не на мышь. На дверь.

Агафья замерла. В сенях было темно. За сенями — крыльцо, за крыльцом — двор. Двор ночью всегда шумел по-своему: то доска скрипнет, то ветер ведро тронет, то курица на насесте возмутится чужому сну. Но сейчас снаружи было тихо. Чужая тишина стояла у дома и будто ждала, когда ее заметят.

Потом на крыльце что-то тяжело стукнуло. Не в дверь — сначала в ступеньку. Раз. Пауза. Еще раз. Будто кто-то поднимался осторожно, но не умел ходить по-человечески.

Марфа выгнулась сильнее и зашипела так, что у Агафьи по спине пробежал холодок.

— Цыц, — шепнула Агафья.

Сама не знала, кошке или себе. Она взяла со стула платок, накинула на плечи. Потом посмотрела на гвоздик у пе-

чи. Скалка висела на месте.

Агафья сняла ее тихо. Рука сразу стала спокойнее. Не то чтобы она боялась. Просто с хорошей скалкой человек лучше думает.

В дверь постучали. Не громко. Даже вежливо. От этой вежливости стало хуже.

— Кто? — спросила Агафья.

За дверью зашуршало. Кто-то переступил с ноги на ногу. Потом глухо сказал:

— Агафья...

Голос был странный. Сдавленный. Будто говорил человек, у которого на голове ведро, а на душе вина.

Агафья сузила глаза.

— Кто такой?

— Это... я...

— Я у нас много.

Марфа снова зашипела, теперь громче. За дверью что-то звякнуло металлически. Потом по дереву скребнуло — будто кто-то задел косяк чем-то длинным или блестящим.

Агафья вспомнила все сразу: Чертов Пятачок, синий свет, образец человека и Прасковьино «одиноких первыми забирают». Пальцы крепче легли на скалку.

— Имя говори.

Снаружи тяжело вздохнули.

— Агафья, это я... по важному делу...

Слова «это я» прошли мимо. А вот «по важному делу»

зацепились. По важному. Ночью. К одинокой женщине. После разговоров о пришельцах.

Агафья подошла к двери боком, не выпуская скалку. У двери было маленькое оконце, кривое, с мутным стеклом. Днем через него падал свет, а ночью в нем можно было увидеть только тень, если тень стояла близко.

Тень стояла. И была она не человеческая.

На голове — огромная меховая шапка, распушенная по бокам. Плечи круглые, будто в двух тулупах. Руки толстые, в рукавицах. Ноги в валенках, шире обычного. За спиной что-то торчало и поблескивало, ловя слабый свет из кухни: то ли железка, то ли антенна, то ли инопланетная лопата.

Фигура наклонилась к стеклу.

— Агафья Ивановна, — пробормотала она. — Ты только не сердчай. Я на минутку...

На минутку. Они все так говорят. Сначала на минутку, потом образец человека исчез.

— Ночью порядочные люди по минуткам не ходят, — сказала Агафья.

— Так я... я ж не чужой...

Марфа бросилась под лавку. Это было последней каплей. Кошка Марфа-Полночница не боялась ни собак, ни грозы, ни фельдшера Зинаиды с каплями от блох. Если уж она ушла под лавку, значит, дело нечистое.

За дверью опять звякнуло.

— Я хотел сказать... — Голос сбился. — Агафья, я к тебе

не по ремонту. Я к тебе по...

Слово растворилось в шуме ветра. Агафья услышала только «к тебе» и «по...»

— По что? — спросила она.

— По сердечному, — выдохнула фигура.

Сердечному.

Агафья представила пришельца, который явился за ней с сердечным делом, в валенках, с блестящей штукой за спиной. Картина была настолько наглая, что страх у нее мгновенно перешел в злость.

— Сердечные дела днем решают. И без маскарада.

— Какого маскарада? — растерянно спросило оно.

— Снимай шапку.

— Не могу, руки заняты.

Руки заняты. Конечно. Одной держит похитительный прибор, другой — мешок для образцов.

Агафья тихо передвинула засов.

— Значит, так. У нас образцы без спросу не берут.

За дверью повисла пауза.

— Какие образцы?

— Сейчас покажу.

Она распахнула дверь.

Ночной воздух влетел в дом холодом и запахом мокрой травы. На пороге стояло нечто в огромной меховой шапке, старом тулупе, валенках и рукавицах. Лицо пряталось в тени. За спиной действительно поблескивало что-то металли-

ческое: то ли новый крючок, то ли железная палка, то ли деталь от непонятного механизма. В другой руке фигура держала банку, укутанную в тряпку.

— Агафья, это я, Арх...

Он шагнул вперед. Агафья не стала дослушивать.

Скалка пошла в дело быстро, чисто, по-хозяйски. Не со всей силы — Агафья меру знала. Но достаточно, чтобы любой пришелец, районный проверяющий или ночной дурень понял: в этот дом без спросу не входят.

Раздался глухой стук. Фигура охнула, покачнулась, нелепо взмахнула рукавицами. Банка вылетела из руки, звякнула о крыльцо, но не разбилась. Блестящая железка за спиной съехала набок и ударилась о косяк.

— Ох ты ж... — сказал пришелец совсем человеческим голосом.

И сел прямо на порог.

В ту же секунду за дверней вспыхнуло.

Не молния. Молния режет небо сверху вниз и сразу гаснет. Это вспыхнуло низко, за огородами, там, где дорога уходила к Чертовому Пятачку: синее, густое, как свет изнутри стекла. На миг вся кухня стала голубой — печь, стол, пироги под полотенцем, скалка в Агафьиной руке, Марфины глаза под лавкой.

Свет ударил в окна и исчез. Дом остался в темноте.

Сидя на пороге, фигура простонала:

— Агафья... ну зачем же сразу...

Агафья стояла со скалкой и слушала, как у нее в ушах стучит кровь. Голос. Этот голос она знала. Но ночью голоса тоже могли обманывать. Прасковья говорила, что пришельцы продвинутые. Мало ли что они умеют: может, чужими головами заманивают; может, сначала говорят «Агафья» и «по сердечному», а потом — мешок на голову и в тарелку.

— Не двигайся, — сказала она.

— Я и не двигаюсь, — обиженно ответило с порога. — Я, можно сказать, уже недвижимость.

Уж больно похоже.

Агафья потянулась к фонарю, щелкнула. Желтый свет дрогнул, разлился по сеням и выхватил из темноты нос, седые усы, знакомую морщину между бровями и совершенно несчастные глаза Архипа Чудина.

Архип сидел на пороге, держась рукавицей за шапку. На лбу, под краем меха, уже наливалась шишка.

Агафья замерла.

— Чудин?

— Он самый. Пока еще.

Марфа высунулась из-под лавки, увидела Архипа, посмотрела на Агафью и мяукнула так, будто всю жизнь предупреждала именно об этом.

Агафья опустила скалку.

— Ты чего вырядился?

— Я не вырядился, я утепился.

— В июне?

— Ночью сыро.

— А это что? — Она ткнула скалкой в блестящую железку.

— Крючок для твоей калитки. Новый. У тебя старый заедает.

— А банка?

— Мед.

— Мед?

— Да. Я думал... — Архип попытался подняться, поморщился и остался сидеть. — Я думал, с пустыми руками нехорошо.

Агафья смотрела на него и чувствовала, как страх отступает, а вместо него приходит такое раздражение, что хоть дверь снимай.

— Ты ночью пришел ко мне с медом и крючком?

— Не только.

— Еще с чем?

Архип тронул нагрудный карман. Потом замер, будто вспомнил: торжественность при сидении на пороге со шишкой дается плохо.

— С разговором.

— Разговор у тебя теперь на лбу написан.

Он вздохнул.

— Я хотел по-хорошему.

— По-хорошему люди стучат днем.

— Днем Филимон рядом был. Потом Матвей. Потом

Прасковья у магазина... Я думал, вечером тише.

— Тише? — Агафья распахнула дверь шире и показала скалкой на улицу. — Ты видел, что там было?

— Что?

— Свет!

Архип повернул голову к темному двору.

— Какой свет?

— Синий. За деревней.

Он медленно поднялся, держась за косяк. Шапка съехала ему на один глаз. Вид у него был жалкий, нелепый и до того человеческий, что Агафья окончательно разозлилась на себя.

— Может, молния, — сказал Архип.

— Молния у нас теперь из земли бьет?

Он нахмурился.

— Из земли?

— Там. У Пятачка.

Архип сразу стал серьезнее.

— Точно у Пятачка?

— А где еще? У Матвея на складе сахар загорелся?

Архип вышел на крыльцо, пошатнулся, но удержался. Агафья, не подумав, схватила его за рукав.

— Сиди, герой. Еще свалишься.

Он посмотрел на ее руку. Она тут же отпустила.

— Я не свалюсь.

— Ты уже сел. Достаточно.

Архип потер лоб и тихо ойкнул.

— Хорошая у тебя скалка.

— Не жаловались.

— Кто не успел?

— Чудин, не испытывай остатки моего терпения.

Они оба замолчали.

Двор был темный. Небо висело низко. За огородами ничего не светилось. Но тишина изменилась. В ней было что-то новое — тонкое, звенящее, как после удара по ведру. Агафья услышала, как где-то далеко, у самого края деревни, собака коротко тьякнула и сразу замолчала.

Архип тоже услышал.

— Нехорошо, — сказал он.

— Сама знаю.

— Я утром прибор собирал...

— Еще один?

— Не перебивай. Он голос поймал.

Агафья медленно повернулась к нему.

— Какой голос?

Архип почесал затылок, но тут же поморщился.

— Сказал: «Заявка принята».

— Какая заявка?

— Не знаю.

— Ты не знаешь, а ночью ко мне пришел?

— Я к тебе не из-за заявки пришел!

— А из-за чего?

Он открыл рот. Закрыл. В темноте у него был вид человека, который взял разбег, но увидел перед собой забор.

— Потом скажу.

— Конечно. Сначала заявку подал, потом скажет.

— Я не подавал!

— А кто? Филимон? Марфа? Ведро?

Архип обиженно выпрямился.

— Я, между прочим, хотел серьезно поговорить.

— Вот утром и поговорим. Если вселенная не занята.

Он посмотрел на нее странно: с болью от шишки, с обидой, с упрямством и еще с чем-то, от чего Агафье захотелось поправить платок, хотя платка на голове не было. Она отвернулась.

— Иди домой.

— Ночью?

— А что? Ты ж пришел.

— У меня голова.

— Вот именно. Береги, пока есть что беречь.

Марфа вышла из-под лавки, прошла между ними, остановилась на пороге и посмотрела в сторону Пятачка. Потом снова выгнула спину.

Архип тихо сказал:

— Кошка тоже видит.

— Кошка видит, что два старых дурня стоят ночью у открытой двери.

— Два?

— Не радуйся. Это я себя за компанию.

В этот момент за деревней что-то глухо ухнуло. Не гром, не выстрел — будто огромная пустая бочка перекатилась под землей.

Агафья крепче сжала скалку. Архип схватил блестящий крючок, словно это было оружие.

— Это уже не молния, — сказал он.

— Догадливый.

— Надо утром посмотреть.

— Утром, — твердо сказала Агафья. — Ночью нормальные люди спят.

— А ненормальные?

— Получают скалкой.

Архип вздохнул.

— Понял.

Он поднял банку меда, отряхнул ее от пыли и поставил на край лавки в сенях.

— Это тебе.

— Забирай.

— Не заберу. Подарок.

— Чудин...

— Молчу. Ухожу.

Он спустился с крыльца, но у калитки остановился.

— Агафья.

— Что еще?

— Ты дверь закрой. И скалку... держи поближе.

Она фыркнула.

— Без тебя знаю.

Он кивнул и пошел по двору к улице — неровно, но упрямо. меховая шапка смешно качалась. Валенки шлепали по влажной земле. За спиной торчал новый крючок для калитки, блестя в редком свете из окна.

Агафья смотрела ему вслед, пока он не скрылся за калиткой. Потом закрыла дверь — на крючок, на щеколду, и еще раз дернула. Марфа сидела рядом и не сводила глаз с темного дерева.

— Что? Не смотри так. Сама видела: Чудин. Земного происхождения. Хотя местами сомнительного.

Кошка не ответила.

Агафья поставила мед на стол, положила рядом скалку и вдруг заметила: на полу у порога лежала маленькая бумажка. Сложенная вчетверо. Видимо, выпала у Архипа, когда он махал рукавицами.

Она подняла ее, развернула. На бумаге крупно, неровно было написано:

«Агафья, я пришел не по делу. Я пришел к тебе».

Агафья перечитала один раз. Потом второй. Кухня стала душной от тепла.

— Дурень, — сказала она тихо.

Слово получилось не сердитое. Поэтому Агафья быстро сложила бумажку обратно и сунула ее под самовар. Потом взяла скалку и пошла к кровати. Спать все равно не хотелось.

За окном было темно. Дом стоял тихо. Пирогы остывали. Мед в банке поблескивал на столе. И вдруг в ночной тишине Генерал Громыхало закричал.

Не на рассвет. Не на лису. Не на ведро.

Он закричал один раз — резко, протяжно, с таким отчаянным надрывом, будто за околицей солнце встало не там, где положено.

Глава 5. Архип земного происхождения

Утро началось не с солнца, а с совести. Солнце тоже было — бледное и тусклое, просунулось в окно и легло на стол, на банку меда, на скалку и на самовар, под которым лежала сложенная вчетверо бумажка. Но совесть явилась раньше: еще затемно, когда Агафья так и не уснула, а только лежала с открытыми глазами и слушала, как в курятнике ворочается Генерал Громыхало.

Бумажку она за ночь доставала три раза.

«Агафья, я пришел не по делу. Я пришел к тебе».

Дурень. Писать такое ночью, в меховой шапке, с крючком за спиной, после разговоров о пришельцах мог только Архип Чудин. Или пришелец с очень плохой подготовкой к похищению.

Агафья встала, сунула бумажку обратно под самовар и строго сказала кухне:

— Ничего особенного. Человек получил по лбу за нарушение порядка.

Кухня промолчала. Марфа-Полночица сидела на лавке и смотрела так, будто знала и про порядок, и про бумажку, и про то, что Агафья всю ночь ворочалась.

— А ты не подслушивай глазами.

Марфа зевнула.

Агафья накинула платок, поставила чайник, вышла в сени и открыла дверь. Архип сидел на лавке у крыльца. Точнее, не просто сидел, а изображал человека, который случайно оказался на чужой лавке с утра, в валенках, тулупе и с перевязанной головой. Повязка была сделана из старого шарфа, намотана криво, один конец торчал вверх, как флажок капитуляции. У лавки лежали новый крючок для калитки и его шапка — помятая, обиженная. Банка меда, ночной подарок, уже стояла в кухне на столе, где Агафья оставила ее после бессонной проверки.

Агафья застыла на пороге.

— Ты что тут делаешь?

Архип поднял глаза. Глаза были красные, но упрямые.

— Сижу.

— Вижу, что не танцуешь. Почему у меня?

— Потому что к тебе пришел.

— Ночью ты уже приходил.

— Ночью я пришел поговорить. А утром пришел убедиться, что ты жива.

— От чего бы мне неживой быть?

Архип покосился в сторону околицы.

— Свет был. Гул был. Петух орал так, будто конец света увидел и не одобрил.

— Петух у нас многое не одобряет. Это не повод ночевать на лавке.

— Я не ночевал.

— А что делал?

— Думал.

— Головой?

Архип поморщился.

— Не дави.

Агафья сжала губы, чтобы не улыбнуться. Шишка у него была настоящая. Под шарфом, возле виска, кожа покраснела, и вид у Архипа был обиженный, но не жалкий. Скорее такой, будто он проиграл битву, но еще надеялся записать ее в подвиг.

— Встань, — сказала она.

— Зачем?

— Посмотрю.

— Я сам посмотрел.

— Чем? Затылком?

Архип вздохнул и поднялся рывком. Тут же покачнулся. Агафья шагнула вперед и схватила его за рукав.

— Вот. Герой. Сейчас еще раз сядешь, но уже без моей помощи.

Он посмотрел на ее руку.

— Ты волнуешься?

— Я санитарные нормы соблюдаю. Если человек упадет у меня на крыльце, мне его обходить неудобно.

— Удобство — дело важное.

— Молчи и заходи.

— В дом?

— Нет, в космос. В дом, Чудин. Голову твою смотреть. Архип послушно пошел за ней, но у двери остановился.

— А скалка где?

— На месте.

— Это меня не успокаивает.

— А меня успокаивает.

В кухне пахло вчерашними пирогами и свежим кипятком. Марфа прыгнула с лавки, обошла Архипа кругом, понюхала валенок и удалилась к печи с видом комиссии, которая приняла решение, но не считает нужным его оглашать.

Агафья указала на табурет.

— Садись.

Архип сел.

— Только ты это... не очень.

— Что не очень?

— Ну... лечи без размаха.

— Тебя лечить или жалеть?

— Лечить.

— Тогда терпи.

Она достала из шкафчика йод, вату, бинт и маленькую баночку с зеленой крышкой. Архип следил за ее руками, как за опасным механизмом.

— Ты, кстати, сильно не переживай, — сказал он.

— Я и не начинала.

— Удар был не смертельный.

— Я меру знаю.

— Вот это меня и тревожит.

Агафья размотала его шарф. Под ним волосы стояли дыбом, как трава после града. Шишка набухла хорошая, круглая, достойная. Агафья цокнула языком.

— Ну что, межгалактический ты мой. Башка целая.

— Я земного происхождения.

— Ночью было не видно.

— Я сказал: «Это я».

— Ты еще сказал: «по важному делу».

— Так и было.

— Важные дела решают днем. Ночью важные дела получают по лбу.

Он повернулся, но она удержала его за подбородок.

— Не крутись.

Пальцы у нее были сухие, крепкие. Она коснулась его виска осторожнее, чем хотела. Архип сразу затих. Агафья заметила это и нахмурилась.

— Что?

— Ничего.

— Больно?

— Нет.

— Тогда чего замер?

— Удобно.

— Сейчас неудобно сделаю.

Она взяла вату, смочила йодом и приложила к ссадине.

Архип зашипел.

— Ага! Земного происхождения, говоришь? Земные тоже шипят.

— Йод у тебя злой.

— Йод как йод. Просто некоторые неженки.

— Я не неженка. Я технически поврежденный.

— Самоповрежденный. Нечего было ночью являться в шапке размером с ведро.

— Шапка нормальная. Теплая.

— В июне.

— Сырость.

— У всех сырость. Не все похожи на похитителей пенсионеров.

Архип обиделся.

— Я не пришел тебя похищать.

— Уже поняла.

— Я пришел поговорить.

— После скалки у всех сердечное.

Он открыл рот и закрыл. Потом тихо спросил:

— Ты бумажку нашла?

Рука Агафьи с бинтом замерла на секунду.

— Какую еще бумажку?

— Мою.

— У тебя бумажек как у старосты после отчетности.

— Агафья.

Она слишком туго обмотала бинт вокруг его головы.

— Ой!

— Не ойкай. Бинт держаться должен.

— Должен, но не как обруч на бочке.

Она ослабила узел. Щеки у нее горели, и это злило сильнее всей ночной истории. Бумажка, конечно. Он помнил. Еще бы не помнить: написал же.

— Нашла, — сказала она.

Архип опустил глаза.

— Прочитала?

— Я что, по-твоему, неграмотная?

— Нет. Я просто...

— Просто нечего такие записки терять.

— Я не терял. Она сама.

— Бумажки сами не ходят. Это у вас, изобретателей, всё само: ведро звенит, радио заявки принимает, записки под ноги прыгают.

Архип поднял голову.

— А радио правда приняло.

— Что?

— Я же говорил. Голос был: «Заявка принята».

Агафья завязала бинт и отступила.

— Вот и разбирайся со своей заявкой. Только меня не впутывай.

— Поздно, — сказал Архип.

Она резко посмотрела на него.

— Это еще почему?

Он смутился.

— Я не в том смысле.

— А в каком?

— В том, что свет у Пятачка был после... — он кивнул на скалку, висевшую у печи, — после этого.

— После того как ты получил заслуженное?

— Допустим, заслуженное. Но совпадение странное.

— У тебя вся жизнь странное совпадение.

Архип хотел ответить, но в дверь постучали. Агафья и Архип одновременно повернулись. Стук был быстрый, знакомый, без малейшего уважения к чужому утру.

— Прасковья, — сказала Агафья.

— Может, не открывать? — спросил Архип.

— Поздно. Она уже знает, что мы дома.

— Откуда?

— Оттуда, откуда всё.

Агафья пошла в сени. Архип вскочил было, но тут же сел обратно, потому что голова напомнила о себе.

— Сиди, земной.

Она открыла дверь.

Прасковья стояла на крыльце с лицом человека, который пришел случайно, но уже всё понял. В руках у нее была корзинка, в корзинке — две луковицы и пучок укропа. Видимо, для прикрытия.

— Доброе утро, — сказала она и тут же заглянула через плечо Агафьи. — Ой.

Агафья перекрыла проход.

— Что «ой»?

— Ничего. Я за укропом.

— Со своим?

— А вдруг у тебя лучше.

— Прасковья.

— А Архип у тебя?

— Нет.

Из кухни раздалось:

— Я тут.

Агафья закрыла глаза. Прасковья просияла.

— Вот и хорошо, что тут. А то я переживала.

— С каких пор?

— С ночи. У нас ведь было свечение. Петух орал. Филимон говорит, что надо пересчитать население. Я вот начала с вас.

— Население цело. Иди дальше.

Прасковья вытянула шею.

— А почему у Архипа голова перевязана?

— Потому что голова у Архипа есть, — сказала Агафья.

— В отличие от некоторых.

— Агафья, ты его ударила?

— Я его проверила.

— На что?

— На земное происхождение.

Прасковья прижала корзинку к груди.

— И как?

Из кухни Архип сказал:

— Подтверждено.

Прасковья вошла без приглашения.

— Так-так.

— Куда? — спросила Агафья.

— Раз население подтверждено, надо зафиксировать состояние.

— Ты не фельдшер.

— Я информационно.

Архип сидел на табурете с перевязанной головой. Вид у него был такой, что любая деревня сделала бы из этого минимум три версии: трагическую, романтическую и неприличную. Прасковья оглядела его, потом Агафью, потом банку меда на столе.

— Мед, значит.

— Что мед? — спросила Агафья.

— Ничего. Просто отмечаю: мужчина с утра у женщины, голова перевязана, мед на столе. Ситуация богатая.

— Прасковья, выйдешь ты у меня сейчас бедной.

— Я же молчу.

— Ты молчишь так, что через час Нижний конец услышит.

Прасковья села на край лавки.

— А что мне говорить? Вариантов два. Либо Агафья Ладина ночью отбила атаку пришельцев и взяла пленного. Ли-

бо у Агафьи Ладиной появился жених, но знакомство пошло с травматизмом.

Архип кашлянул. Агафья взяла скалку. Прасковья поднялась.

— Я за первый вариант. Он безопаснее.

— Иди к Зинаиде, — сказала Агафья. — Скажи, что Архип жив. Если спросит — ссадина, шишка, гордость повреждена сильнее всего.

— А сердечное?

Архип поперхнулся чаем, которого еще не пил.

— Какое сердечное? — спросила Агафья торопливо.

Прасковья улыбнулась.

— Я в медицинском смысле.

— После скалки у всех сердечное, — сказала Агафья.

— Хорошая формулировка. Запомню.

— Не вздумай.

— Уже поздно.

Прасковья пошла к двери, но у порога обернулась:

— Вы бы к Пятачку сходили. Там ночью опять свет был.

Утром Семен Егорыч сказал, что земля по краю как стеклом присыпана.

— Каким стеклом? — спросил Архип.

— Синим.

В кухне стало тише. Прасковья заметила, что информация попала куда надо, и довольно кивнула.

— Я ничего не утверждаю. Я население предупреждаю.

— Иди, предупреждение, — сказала Агафья.
Прасковья ушла. На улице сразу слышался ее голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.